

РЫЛѢВЪ.

Матеріалы для исторіи русской литературы

1816—1825 гг.

Рылѣвъ принадлежитъ къ числу замѣтныхъ отечественныхъ поэтовъ первой четверти текущаго столѣтія. Произведенія его были помѣщаемы почти во всѣхъ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ и перепечатывались въ журналахъ многіе годы спустя послѣ его смерти.

Не касаясь политической дѣятельности Рылѣва, такъ какъ біографія его напечат. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1868 г. кн. VI и 1869 г. кн. III, — мы остановимъ вниманіе нашихъ читателей лишь на нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ этого поэта. Дѣлаемъ это въ интересахъ всесторонняго и наиболѣе подробнаго изученія отечественной литературы знаменательнаго въ жизни русскаго общества царствованія Александра I притомъ по весьма уважительному поводу: въ распоряженіе „Русской Старины“, какъ мы уже заявляли (Русск. Стар. 1870 г. т. II, стр. 524—526), въ числѣ прочихъ бумагъ литературнаго архива Ѳ. В. Булгарина — поступило довольно значительное собраніе подлинныхъ бумагъ Рылѣва. Сохраненіемъ какъ ихъ, такъ равно и многихъ другихъ немаловажныхъ матеріаловъ, — русская литература обязана покойному Ѳ. В. и его почтеннымъ сыновьямъ Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгариннымъ. Собственно рукописи Рылѣва состоятъ изъ его писемъ, а главное — изъ черновыхъ набросковъ его стихотвореній. Здѣсь, въ самомъ поэтическомъ хаосѣ, нерѣдко съ чудовищно-неразборчивыми помарками, небрежною рукою поэта набросаны — то цѣльныя „Думы“, то отрывки изъ нихъ, то отдѣльныя строки и слова — варианты написаннаго, замѣтки, эниграммы и прочія мелочи. Просматривая эти бумаги, видишь весь процессъ работы даровитаго писателя... Изъ этихъ произведеній — особенно замѣчательны „Думы“ Рылѣва; помимо ихъ литературнаго значенія, онѣ имѣютъ для „Русской Старины“ и исто-

рической интересъ: рядъ крупнѣйшихъ русско-историческихъ дѣятелей. изковы: Владиміръ Святой, Мареа Посадница, Іоаннъ III, Артемонъ Матвѣевъ, Яковъ Долгорукій, Петръ Великій, Мазепа, Палѣй, Наталья Долгорукова, Волинскій и друг. одинъ за другимъ являются въ произведеніяхъ Рылѣва. Весьма любопытно при этомъ прослѣдить какою стороною государственной или общественной дѣятельности и какими нравственными качествами—наиболѣе типическіе представители разныхъ эпохъ русской исторіи воздѣйствовали на творческую фантазію поэта.

Разборка и приведеніе въ порядокъ бумагъ Рылѣва представила трудъ немаловажный. По нашей просьбѣ, это дѣло взялъ на себя одинъ изъ сотрудниковъ „Русской Старины“ П. А. Ефремовъ.

Г. Ефремовъ извѣстенъ какъ редакторъ съ замѣчательнѣйшею отчетливостію и полнотою напечатанныхъ собраній сочиненій русскихъ писателей: таковы соч. кн. А. Д. Кантемира 2 т., изд. 1867—1868 гг., Д. И. фонъ-Визина, изд. 1866 г., В. И. Лукина и Ельчанинова изд. 1868 г., В. И. Майкова, изд. 1867 г. и Лермонтова 2 т., изд. 1862 и 1863 гг. ¹⁾ Въ виду этихъ прекрасно выполненныхъ изданій—мы съ особеннымъ удовольствіемъ воспользовались обязательнымъ вызовомъ П. А. Ефремова разобрать и приготовить къ печати нижеслѣдующіе матеріалы для исторіи русской литературы.

Ред.

I.

ПИСЬМА РЫЛѢВА КЪ ВУЛГАРИНУ.

I.

Г. Острогжскъ, іюня 20 дня 1821.

Вотъ уже три недѣли, какъ я пирую на Украинѣ: пью донскія вина и обжираюсь стерлядами; а ты по сіе время не поздравилъ меня съ такимъ благополучіемъ! Ты, будучи самъ однимъ изъ главнѣйшихъ петербургскихъ гастрономовъ, для возбужденія въ своемъ пріятелѣ еще большаго аппетита, не хочешь изъ одной лѣности порадовать меня здѣсь хотя тремя строчками... Но добро-жь, Сармать невѣрный, я отплачу тебѣ и ты не получишь ни сухой стерляди, ни

¹⁾ Вотъ еще нѣкоторыя изданія П. А. Ефремова: Библиограф. Сборникъ: Приключеніе короля шведскаго Густава III—сатира В. Петрова. Спб. 1867 г.; Живописецъ—Н. И. Новикова (1772—1773 гг.), изд. 7-е. Спб. 1864 г.; Трутень—Н. И. Новикова (1769—1770 гг.) изд. 3-е. Спб. 1866 г.; Матеріалы для исторіи русской литературы: Опытъ историч. словаря о русск. писат. Новикова и труды по втому предмету: Дмитревскаго, Штелина, Домашнева, Кеппена, Сахарова и друг. Спб. 1867 г. и проч.

Ред.

5

балка, по возвращеніи моемъ въ Питеръ, если не пришлешь ко мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ грамотокъ—скуда, въ мое счастливое уединеніе, гдѣ я такъ доволенъ, такъ блаженствую, что право не хочется и вспоминать о шумной Пальмирѣ Сѣвера...

Давно мнѣ сердце говорило:
 Пора, молодой пѣвецъ, пора,
 Оставивъ шумный градъ Петра,
 Летѣть къ своей подругѣ милой,
 Чтобъ оживить и духъ унылой,
 И смутный сонъ молодой души,
 На лонѣ вѣги и свободы,
 И разцвѣтающей природы,
 Прогнать съ заботами въ тиши.
 Насталъ желанный часъ—и съ тройкой
 Извожикъ ухорской предсталъ;
 Запелся колокольчикъ звонкой—
 И юный другъ твой поскакалъ...
 Едва заставу Петрограда
 Пѣвецъ унылый миновалъ,
 Какъ разлилась въ душѣ отрада,
 И я дышать свободнѣй сталъ,
 Какъ будто вырвался изъ ада...

Теперь я на ярмаркѣ въ городѣ Острогжскѣ, въ которомъ городничимъ Григорій Николаевичъ Глинка, братъ почтеннѣйшаго Ѳедора Николаевича. Я познакомился съ нимъ еще года за два предъ симъ. Тогда онъ былъ вдовъ; но недавно женился въ Москвѣ на одной любезной дѣвицѣ, которая весьма любитъ литературу—и я съ большимъ удовольствіемъ провожу у нихъ время.

Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! — Не знаю чему больше удивляться, тиранству ли Іоанна, или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя—плодъ чтенія девятаго тома:

КУРБСКІЙ.

На камнѣ мшистомъ, въ часъ ночной,
 Изъ милой родины изгнанникъ,
 Сидѣлъ князь Курбскій, вождь молодой,
 Въ Литвѣ враждебной грустный странникъ,—
 Позоръ и слава русскихъ странъ,
 Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
 Надежда скорбныхъ россиянь,
 Гроза ливонцевъ, бичъ Казани...

Сидѣлъ—и въ перекатахъ громъ
 На небѣ мрачномъ раздавался,
 И темный лѣсъ, шума, кругомъ
 Отъ блеска молній освѣщался.
 «Далеко родины драгой,
 «Далеко отъ подруги милой,—
 Сказалъ онъ, покачавъ главою,—
 «Я долженъ вѣкъ вести унылой.

«Ужъ болѣ пылкихъ я дружинъ
 «Не поведу къ кровавой брани
 «И врагъ не побѣжитъ съ равнинъ
 «Отъ поворителя Казани!
 «До дряхлой старости, влача
 «Унылу жизнь въ тиши безславной,
 «Не обнажу за Русь меча,
 «Гонимъ судьбою своенравной.

«За то, что изнемогъ, отъ ранъ,
 «Что въ битвахъ край родной прославилъ.
 «Меня неустовый тиранъ
 «Бѣжать отечества заставилъ:
 «Покинуть сына и жену,
 «Покинуть все, что мнѣ священно,
 «И въ чуждую уйти страну
 «Съ душою, грустью отягченной.

«Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ,
 «Но, ахъ! ни почести велики,
 «Не веселятъ въ краю чужомъ,
 «Ни ласки чуждаго владыки!
 «Я все стенаю и грущу,
 «И на пирахъ сижу угрюмый
 «Чего-то для души ищу
 «И часто погружаюсь въ думы...

«И въ хижинѣ и во дворцѣ
 «Меня глазъ внутренній тревожить
 «И мрачность на моемъ лицѣ
 «И самое веселье множить...
 «Увы! всего меня лишилъ
 «Тиранъ отечества драгова!
 «Своихъ жалокъ, рокъ кому судить
 «Искать въ странѣ чужой покрова!»

Б. Рыгѣевъ.

Г. Острогожскъ. Юля 20. 1821.

Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Федоро-
 5*

вичу въ „Сынъ Отечества“. Прощай. Свидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ добрымъ людямъ, сирѣчь: Н. И. Гнѣдичу, Н. И. Гречу, Барону, также Александру Федоровичу ¹⁾ и проч.... Пиши ко мнѣ на Павловскъ.

Твой другъ К. Рылзевъ.

II.

С. Подгорная. Августа 8. 1821.

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ Сѣверную Пальмиру. Холодъ обдастъ меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крѣчотворства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

Когда отъ русскаго меча
 Легли моголы въ прахъ, стеная,
 Россію Богъ карать непреставая,
 Столь многочисленный, какъ саранча,
 Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
 Повсюду расселилъ,
 Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
 Онъ навсегда какъ червь точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскихъ провинціяхъ — это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды, во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники, въ страшную годину междуцарствія, не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже кописты имѣютъ постоянныя доходы отъ своего грабежа; а исправники...

Кто не слышалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
 О лютыхъ половцахъ, или о татарахъ злыхъ,
 О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
 И о хищеньяхъ ихъ?
 Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекаютъ,
 Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
 И ихъ холодными струями напояютъ,
 Былъ достояньемъ сихъ враговъ?
 Давно-ли крымскіе наѣзники толпами
 Изъ отческой земли
 И старцевъ и дѣтей и женъ, тягча цѣпями,

¹⁾ Слова: «также Александру Федоровичу» приписаны въ выноскѣ. А. Ф. Восейковъ тогда участвовалъ съ Гречемъ въ изданіи «Сына Отечества». П. Ш.

Въ Тавриду дальнюю влекли?
 Благодаря Творцу, Россія покорила
 Враговъ надменныхъ всѣхъ,
 И гдѣ за нѣсколько со славой отразила
 Разбойника славнѣйшаго набѣгъ...
 Теперь лишь только при наѣздахъ
 Свирѣтствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

Но полно объ этой дряни...

При семъ посылаю нѣсколько моихъ бездѣлокъ. Потрудись показать ихъ почтенному Николаю Ивановичу Гнѣдичу, и если годятся, отдай ихъ Александру Федоровичу для „Сына Отечества“¹⁾.

Прощай, я въ половинѣ сего мѣсяца выѣзжаю, но буду въ Петербургъ не прежде половины сентября, ибо ѣду на своихъ.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ, остаюсь. Твой другъ К. Рылѣвъ.

III.

(Спб. 1825 г. Декабрь).

Любезный Оаддей Венедиктовичъ. Читаль твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отзываться о поэмѣ и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставаль и вѣрно не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтиться невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но- по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу; я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это,—не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой припишешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредить мнѣ,—я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло.

Рылѣвъ.

Слышу, что сужденіе о „Думахъ“ тобою уже написано и что ты ими не совсѣмъ доволенъ, особенно предисловіемъ. Въ такомъ случаѣ

¹⁾ Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. изъ стихотвореній Рылѣва напечатаны; «Курбскій» (№ 29, стр. 129—131), «Святополкъ» № 47, стр. 33—35). «Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу» (№ 50, стр. 175—178).

съ Богомъ: печатай и ради Бога ничего не пережънай, если не хочешь оскорбить меня“¹⁾).

Вверху письма написано рукою Булгарина: „Письмо сіе разцѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостойнъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать—а я понимаю истинно“—Булгаринъ.

Отвѣтъ на томъ же Рылѣва: „Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаиваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегаю. Письмо твое и должно остаться у тебя“. Рылѣвъ.

„Прежде нежели увидишь меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ можетъ быть сегодня будетъ у тебя“.

Примѣч. Приведенное въ первомъ письмѣ стихотвореніе „Курбскій“ было напечатано въ изданіи „Думъ“ (М. 1825, стр. 85—89), съ слѣдующимъ предисловіемъ: „Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ казанскомъ походѣ, при отраженіи крымцевъ отъ Тулы (1552) и въ войнѣ ливонской (1560) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ. Въ сіе время Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца, Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь гибели, Курбскій рѣшился измѣнить отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Сигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему въ помѣстье княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранную и извѣстную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мщеніе: забылъ отечество, предводительствовалъ поляками во время ихъ войны съ Россією и возбуждалъ противъ нея хана крымскаго. Онъ умеръ въ Польшѣ. Предъ смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспомнилъ о Россіи и называлъ ее милымъ отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ въ Польшѣ, вторично женился на княгинѣ Дубровицкой, съ которою король повелѣлъ ему развестися. Курбскій извѣстенъ также литературными своими трудами: онъ описалъ жестокости царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бесѣды Златоустаго на дѣянія Св. Апостолъ. Въ концѣ XVII вѣка правнуки его выѣхали въ Россію“.

Въ печатномъ изданіи не помѣщена 4-я строфа, а послѣдняя читается такъ:

И въ хижинѣ и во дворцѣ
Меня гласъ внутренней тревожитъ,

¹⁾ Ниже слѣдуютъ двѣ строки тщательно зачеркнутыя; съ трудомъ можно разобрать только: «Воображаю пріемъ..... Гречь можетъ быть никогда безразсудна.....»

И мрачность на моемъ лицѣ
 Веселость шумныхъ ширшествъ множить...
 Увы! злымъ рокомъ я лишень
 Семьи, отечества драгова.
 Сколь жалокъ тотъ, кто осужденъ
 Искать въ странѣ чужой покрова.

II.

НЕИЗДАННЫЯ „ДУМЫ“ РЫЛѢВА.

Въ бумагахъ Рылѣва сохранилось небольшое число цѣльныхъ, окончательно отдѣланныхъ неизданныхъ стихотвореній; затѣмъ есть подлинники „Думъ“, напечатанныхъ въ изданіи его вышедшемъ въ Москвѣ въ 1825 году. Значительная-же часть бумагъ, кромѣ писемъ, представляетъ черновые наброски печатныхъ стихотвореній, но съ весьма интересными вариантами; нѣсколько черновыхъ, неотдѣланныхъ стихотвореній, небывшихъ еще въ печати и нѣсколько отрывковъ, повидимому, тоже принадлежащихъ къ цѣльнымъ стихотвореніямъ, но, къ несчастію, утратившимся въ болѣе полномъ и связномъ ихъ объемѣ.

Мы выбираемъ изъ этихъ бумагъ все, имѣющее чисто-литературный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющее нелишенный цѣны матеріалъ для характеристики поэта и вообще для исторіи русской литературы двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Прежде всего мы останавливаемся на историческихъ „Думахъ“, которыя, такъ-сказать, были тогда особенно въ модѣ. Этотъ родъ стихотвореній первый ввелъ въ русской литературѣ самъ Рылѣвъ и за нимъ потянулся рядъ подражателей, впрочемъ совершенно безталанныхъ, съумѣвшихъ довольно ловко схватить всѣ внѣшніе приемы Рылѣва, считая даже стихотворный размѣръ, имъ употреблявшійся, но не зашедшихъ далѣе формы, въ которую они облекали свою высокопарную, риторическую дребедень, нерѣдко лишенную всякаго содержанія и даже смысла. Чтобъ не быть голословными, укажемъ на два подобныя подражанія, именно: Минихъ (въ „Сынѣ Отечества“, 1821 г.) и Карлъ XII (въ „Календарѣ Музъ“, 1827 г.).

Несмотря однако на безталанность подражателей, они не могли оплошнить подлинника, и Думы Рылѣва еще долго послѣ смерти поэта находили читателей и усердно перепечатывались собирателями альманаховъ, безъ сокрытія имени автора, какъ напр., въ альманахѣ „Венера“, изданномъ въ Москвѣ въ 1831 году, за цензурою С. Т. Аксакова (Наталія Долгорукова, Димитрій Самозванецъ и

Смерть Ермака). Въ 1-мъ изданіи „Послѣдняго Новика“ И. И. Лажечникова, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1833 году, взяты эпиграфомъ ко многимъ главамъ также отрывки изъ Думъ.

Это обстоятельство, кажется, снимаетъ упрекъ съ нашей цензуры, будто она за имя Рылѣва запрещала перепечатку его стихотвореній. Приведенные факты говорятъ противное, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что тогда едва прошло 5—6 лѣтъ со смерти поэта. Кстати замѣтимъ, что въ томъ-же альманахѣ Венера (ч. 1, стр. 36—38) напечатано стихотвореніе А. Полежаева: „Пѣснь узника“, которое во множествѣ рукописей, намъ попадавшихся, всегда приписывается Рылѣву. Въ собраніе стихотвореній Полежаева оно не вошло, поэтому приводимъ изъ него нѣсколько отрывковъ:

Не слышно шуму городского
Въ заневскихъ башняхъ тишина
И на штыгѣ у часоваго
Горитъ полночная луна!

А бѣдный юноша! ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревьямъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсни
И отдаетъ тоску волнамъ.

«Прости отчизна, край любезной!
Прости мой домъ, моя семья!
Здѣсь за рѣшоткою желѣзной—
Уже не свой вамъ больше я!

«Не жди меня отецъ съ невѣстой,
Снямай вѣвчальное кольцо;
Застынь мое навѣки мѣсто;
Не быть мнѣ мужемъ и отцомъ!

«Сосваталъ я себѣ неволю,
Мой жребій—слезы и тоска!
Но я молчу... такую долю
Взяла сама моя рука.....

Ужъ ночь прошла... Съ разсвѣтомъ въ златѣ
Давно день новый засіялъ;
А бѣдный узникъ въ казематѣ—
Все ту-же пѣсню напѣвалъ!...

Любопытно, что въ томъ-же альманахѣ (часть 2, стр. 54—55) перепечатано, безъ подписи, стихотвореніе А. С. Пушкина „Аріонъ“, которое относится къ людямъ и событіямъ 1825 г., и это не имѣло никакихъ послѣдствій, хотя впрочемъ за годъ до того

едва-едва не былъ запрещенъ альманахъ Максимовича „Денница“ (на 1830 годъ), въ которомъ излишне усердные читатели отнесли къ воспоминанію о Рылѣевѣ слѣдующее, совершенно къ нему не относящееся стихотвореніе Серафимы Тепловой:

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стонъ скорби слышала волна!

О вѣрь, что надъ тобой почило
Прощенье, миръ, а не укорь,
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!

Обращаемся къ бумагамъ Рылѣева.

Въ нихъ мы находимъ, между прочимъ, два списка. Одинъ, набросанный карандашомъ на оборотѣ окончателно выправленнаго текста Думы: „Артемонъ Матвѣевъ“, заключаетъ 21 названіе Думъ, вошедшихъ потомъ въ печатное изданіе, въ иномъ однако порядкѣ¹⁾, именно: 1. Курбскій (печат. изд. 11), 2. Боянъ (печ. 6), 3. Хмельницкій (16), 4. Смерть Ермака (12), 5. Святопольъ (4), 6. Святославъ (3), 7. Матвѣевъ (17), 8. Петръ въ Острогожскѣ (18), 9. Глинскій (10), 10. Самозванецъ (14), 11. Борисъ Годуновъ (13), 12. Наталья Долгорукова (20), 13. Олегъ Вѣщій (1), 14. Ольга при могилѣ Игоря (2), 15. Волинскій (19), 16. Державинъ (21), 17. Дмитрій Донской (9), 18. Сусанинъ (15), 19. Рогнѣда (5), 20. Михаилъ Тверской (8) и 21. Мстиславъ Удалой (7)⁴.

Другой списокъ заключаетъ названіе Думъ, которыя Рылѣевъ вѣроятно предполагалъ написать, въ чемъ насъ убѣждаютъ найденныя болѣе или менѣе полныя отрывки, съ соответственными названіями. Вотъ этотъ списокъ: „Владиміръ. Рюрикъ. Вадимъ. Владиміръ Мономахъ. Василько. Гарольдъ и Елизавета. Пожарскій и Мининъ. Марина. Марса Посадница. Гермогенъ. Мазепа. Софія. Петръ Великій. Лукьянъ Стрешневъ. Минихъ. Румянцовъ. Суворовъ. Меншиковъ. Потемкинъ. Яковъ Долгорукій“.

Изъ послѣдняго списка въ печати ничего не появилось, а въ бумагахъ мы находимъ слѣдующіе отрывки:

ВАДИМЪ.

Надъ кипящею пучиною,
Подпершись, сидитъ Вадимъ,

¹⁾ Мы приводимъ этотъ списокъ въ томъ соображеніи, что не составленъ ли онъ Рылѣевымъ въ хронологическомъ порядкѣ сочиненія, — что безъ сомнѣнія важно для характеристики развитія его таланта.

И на Новгородъ съ кручиною
Смотрить нѣмъ и недвижимъ.

Громъ гремитъ! Змѣей огнистою
Сумракъ ¹⁾ молнія съчетъ,
Волховъ пѣной серебристою
Въ берегъ хлещеть и реветъ ²⁾

Вотъ ужъ небо въ звѣзды радится,
Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
И луна сквозъ тучи крадется,
Будто въ саванѣ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
Какъ полночи вѣчный ледъ
Хладенъ, крѣпокъ Витязь пламенный
Въ грозныхъ битвахъ за народъ.

Несмотря на хладъ убійственной
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣдъ спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.

«До какого насъ безславя
«Довели вражды гражданъ!
«Властилиновъ Скандинавля
«Насылаетъ для Славянъ!...

Окончанія, къ сожалѣнiю, въ бумагахъ не имѣется; приведенныя же строфы стихотворенiя сохранились въ двухъ наброскахъ: въ первомъ, наиболѣе переправленномъ, помѣщены 1, 2, 5 и 6 строфы, во 2-мъ, почти безъ поправокъ, только 1, 2, 3 и 4 строфы. Первая строфа первоначально была написана:

Надъ кипящею пучиною,
На утесѣ съвѣ Вадимъ,
Съ тяжелой на сердцѣ кручиною
Смотрить нѣмъ и недвижимъ.

Подчеркнутыя слова потомъ были измѣнены: „Въ даль (туманную) безбрежную съ кручиною“. Послѣ-же 2-й строфы начиналась 3-я „Завывай-же буря страшная“; а въ 5 и 6 строфахъ тоже были незначительныя поправки. Варианты 2-й редакци мы привели въ подстрочныхъ примѣчанiяхъ.

¹⁾ Было: «воздухъ».

²⁾ «Брегъ песчаный обдаеть», а потомъ: «Въ брегъ песчаный съ ревомъ бьетъ».

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ

ДУМА

Ни громъ побѣдъ, ни звуки славы,
Ничто Владимира утѣшить не могло;
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное ¹⁾ чело...

Братоубійствомъ отягченный—
На свѣтлыхъ пиршествахъ ²⁾ сидѣлъ онъ одиноко
И тайной мыслію смущенный ³⁾
Дичился радостей, какъ узанный пороко.

Напрасно пѣніе Бояна
И рокоть струнъ живыхъ ласкали княжіи слухъ;
Души не исцѣлялась рана,
И все тревожился и тосковалъ въ немъ духъ ⁴⁾!

Однажды онъ съ привычной думой
На длань склоненъ головой, уединясь, сидѣлъ,
И съ дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый ⁵⁾ Перуновъ ликъ глядѣлъ.

Вокругъ зеленого Кургана
Толпами шумными на Теремномъ Дворѣ
Народъ кипѣлъ у Истукана,
Сіявшаго, какъ лучъ, и въ златѣ и въ сребрѣ!...

«Перунъ! твой ликъ я здѣсь поставилъ»,
Вѣщаль страдалецъ-князь,— «Міроправитель-Богъ! ⁶⁾
«Тебя я всѣхъ признать заставилъ,
«И дубъ, священный дубъ передъ тобой возжегъ!

«Почто-жъ не укротишь волненья
«Обуреваемой раскаяньемъ души!

¹⁾ «Важное», потомъ «гордое».

²⁾ «Шумныхъ».

³⁾ «И думой тайной омраченный», а потомъ: «и тайной думою смущенный».

⁴⁾ После этого зачеркнуто:

«При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи,
И въ пышномъ теремѣ и въ хижинѣ простой,
Его сверкающіе очи
Тѣнь Ярополкову все зрѣли предъ собой»...

⁵⁾ «Поставленный».

⁶⁾ «Ты неспешенный мной», потомъ: «ты мною чтимый Богъ».

«Увы! ужасныя мученья
«Меня преслѣдуютъ и въ шумѣ и въ тиши ¹⁾».

«Молю у твоего Кумира:
«Предѣлъ страданіямъ душевнымъ положи;
«Пересели меня изъ міра
«Или попржнему съ веселіемъ сдружи!»

Вдругъ видить старца предъ собою... ²⁾
Почтенный, важный видъ: спокойствіе въ чертахъ,
Брада до чреслъ сѣдой волною,
Кудрями волосы сѣдые на плечахъ.

На посохъ странничій склоненный,
Въ десной распятіе златое онъ держалъ;
И въ князя взоръ его вперенный ³⁾
На душу грѣшника смятенъе проливалъ...

«Кто ты?» Владиміръ съ изумленьемъ
И гласомъ трепетнымъ пришельца спросилъ,
— «Посоль Творца!» Онъ рекъ съ смиренъемъ,
«Ты Бога вышняго дѣлами прогнѣвилъ... ⁴⁾»

«Ни въ Чернобогѣ, ни въ Перунѣ,
«Ни въ славѣ, ни въ пирахъ Владиміровъ покой;
«Его ты, грѣшникъ, жаждешь вгунѣ;
«Какъ за добычей вранъ, такъ совѣсть за тобой!..»

«Но что, о князь, сіи терзанья! ⁵⁾
«Тебя, отверженецъ, ⁶⁾ ужаснѣйшія ждуть!
«Наступить ⁷⁾ часъ—цѣнить дѣянья!
«Воскреснутъ мертвые! ⁸⁾ настанетъ страшный судъ!

«И судъ сей будетъ непреложенъ;
«Твое могущество тебя не защититъ!

¹⁾ Зачеркнуто четыре стиха, изъ которыхъ можно разобрать:

«Какъ знакъ души изнеможенной,
. . . . . , какъ преступленья знакъ,
Вездѣ тоскою омраченной
Черныѣтъ на . . . . . мракъ».

²⁾ «Вдругъ старца зрять передъ собою».

³⁾ «Въ очахъ горѣлъ огонь священный и въ душу грѣшника....»

⁴⁾ «Посоль творца... притекъ съ смиренъемъ!...»

Какъ шепчущій ручей святой проговорилъ.

⁵⁾ «Ея терзанья».

⁶⁾ «Отверженный».

⁷⁾ «Настанетъ».

⁸⁾ «Смертные».

«Тамъ рабъ и царь равно ничтоженъ;
«Всевышній судія на лица не глядитъ.

«Предъ нимъ угаснетъ блескъ короны!
«И князю-грѣшнику одинъ и тотъ-же адъ,
«Гдѣ вѣчный скрежетъ, плачь и стоны
«Съ рабами низкими властителя сравнять.» —

Такъ говорилъ пришлецъ священный.
И пылкій, яркій огонь въ очахъ его блисталъ, ¹⁾
И князь трепещущій, смятенный,
Лія потоки слезъ, словамъ его внималъ...

«О, чѣмъ-же я избѣгну ада?...
«Наставь, наставь меня!...» Владиміръ старцу рекъ;
«Изъ твоего читаю взгляда,
«Что ты, таинственный! спасти меня притекъ!...»

— «Крести себя, крести народы!»
Въ отвѣтъ вѣщальъ святой, «и ты себя спасешь!
«И славу дѣлъ изъ рода въ роды,
«Съ благословіемъ потомства перельешь!

«Тогда не адъ, блаженство рай
«И вѣчность дивная тебя, Владиміръ, ждуть,
«Гдѣ сонмы ангеловъ, порхая,
«Предъ трономъ Вышняго твой подвигъ воспоютъ!»

— «Крести-жь, крести меня, о дивный!»
Въ восторгѣ пламенномъ воскликнулъ мудрый князь...
Наутро звукъ трубы призывный —
И рать Владиміра къ Херсону понеслась...

На новый подвигъ, съ новымъ жаромъ
Летятъ дружинами съ вождемъ богатыри,
Зардѣлись небеса пожаромъ.
Трепещетъ Греція и гордые цари!...

Такъ въ князѣ огонь души надменной,
Остатокъ мрачнаго язычества, горѣлъ:
Съ рукой царевны несравненной
Онъ вѣру самую завоевать летѣлъ. ²⁾

Дума эта повидимому предназначалась для печати, потому что
подъ нею находится полная подпись поэта.

¹⁾ «И тихій, кроткій огонь въ очахъ его сіялъ».

²⁾ «Хотѣлъ».

МАРѢА ПОСАДНИЦА.

ДУМА

Была ужъ полночь. Бранный шумъ
 Затихъ на стогнахъ Новограда,
 И Марѣа безпокойный ¹⁾ умъ —
 Свободы тщетная ограда —
 Вкушалъ покой отъ мрачныхъ думъ.

Въ поляхъ сверкали огоньки;
 Расположась обширнымъ станомъ,
 Близъ озера и вдоль рѣки,
 Вдали чернѣли за туманомъ,
 Царя отважнаго полки.

Все было въ непробудномъ снѣ;
 Лишь ратники сторожевые
 Перекинулись на стѣнѣ,
 И Волховъ въ берега крутые
 Плескалъ волною въ тишинѣ....

Покой и мракъ среди домовъ....
 Вдругъ съ Ярославова Дворища
 Звонъ Вѣчевыхъ Колоколовъ—
 И грянуть, бросивъ пепелища,
 Народъ со всѣхъ пяти концевъ.

Продолженіе этого стихотворенія въ рукописи оторвано. Третья строфа первоначально была поставлена прежде второй, вслѣдъ за которою была набросана еще строфа, потомъ зачеркнутая:

И долго длилась тишина;
 Заря на небѣ зажигалась
 И вся окрестная страна
 И вся природа пробуждалась,
 Покоя сладкаго полна.

Повѣялъ холодъ съ береговъ...
 Вдругъ съ Ярославова Дворища и пр.

ЯКОВЪ ДОЛГОРУКІЙ.

ДУМА

Корабль летѣлъ, какъ на крылахъ,
 Шумя уныло парусами,
 И зарываясь въ волнахъ,
 Глубилъ ихъ и вздымалъ бутрами.

¹⁾ «Благородный умъ».

Сѣдая пѣна за кормой,
Рѣкой клубящейся бѣжала,
И шумъ разнообразный свой
Съ ревущей бурей сливала.

На шканцахъ шумною толпой
Стоили съ плѣнниками шведы;
Они летѣли въ край родной
Съ отрадной вѣстію побѣды.
Главу склонили, съ тоской въ очахъ
И на-крестъ опустивши руки,
На верхней палубѣ въ мечтахъ,
Сидѣлъ отважный Долгорукій.

Онъ говорилъ: ¹⁾ «Родной земли
«Уже не зрѣтъ страдальцу болѣ;
«Умру, какъ изгнанникъ, вдали,
«Умру съ безславіемъ, въ невогѣ.
«Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
«Вотще пылаю славой дѣдовъ;
«Увы! не притуплю меча
«Объ кости я враждебныхъ шведовъ».

«Ужъ для меня, какъ битвы знакъ,
«Не загремѣть въ полкахъ литавры,
«И не украсятъ мой шипахъ
«Неувядаемые лавры.
«Не буду я, служба Добру,
«Творить вельможамъ укоризны,
«И правду говорить Петру,
«Для благоденствія отчины...

«Ахъ, лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ,
«Чѣмъ жизнь безъ славы ²⁾ и свободы;
«Не русскому стелать въ цѣпяхъ
«И изживать безъ цѣли годы!»
Такъ рекъ ³⁾ герой. Межъ тѣмъ вдали
Уже сіяли храмовъ шпицы,
Чернѣлись берега земли
И стаями неслися птицы.

Вотъ видны ⁴⁾ башни на скалахъ;
То Готенбургъ на брегѣ дикомъ—
И шведы, съ пламенемъ въ очахъ,
Привѣтствуютъ отчизну крикомъ!

¹⁾ «И такъ!» онъ пѣлъ.

²⁾ «Безъ чести».

³⁾ Въ подлинномъ текстѣ оставлено пѣлъ, по недосмотру исправл. 3-й строен.

⁴⁾ «Мельгають».

Поднявъ благоговѣйный взоръ
И къ небу простирая ¹⁾ длани,
Въ слезахъ благодарить пасторъ
И Бога водъ и Бога брани.

Вокругъ него толпы враговъ,
Молясь, упали на колѣна...
Бушуетъ вѣтръ межъ парусовъ,
Корабль летитъ, влѣбится пѣна.
Катятся слѣзы изъ очей
И груди шведовъ орошаютъ;
Они отцовъ, сестеръ, дѣтей
Уже въ мечтаньяхъ обнимають...

Вдругъ Долгорукій загремѣлъ:
«За мной! Расторгнемъ плѣнъ постыдный!
«Пусть слава будетъ нашъ удѣлъ,
«Иль смертію умремъ завидной!...»
Мелькнулъ сверкающей булатъ,
Паль непріатель изумленный
И завоеванный фрегатъ
Помчался въ Ревель покоренный. ²⁾

Дума эта, какъ видно по рукописи, нѣсколько разъ подвергалась исправленіямъ. Незначительные варианты въ строфахъ, неподвергшихся передѣлкѣ, мы указали въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а здѣсь указываемъ перемѣны болѣе крупныя. Такъ, послѣ 2-й строфы, сбоку приписаны были четыре стиха и, сообразно съ ними, измѣнены отнесенные повидимому къ нимъ-же четыре заключительные стиха 3-й строфы:

Объ чемъ ты думаешь герой?
Объ чемъ въ уминіи мечтаешь?
Знать, мыслишь о странѣ родной
И плѣнъ постыдный проклинаешь.
Въ печальномъ плѣнѣ дни влеча,
Вотще пылаешь славой дѣдовъ;
Уже не притупить меча
Тебѣ объ кости грозныхъ шведовъ.

¹⁾ «Устремляя».

²⁾ Приведенная «Дума» передаетъ въ повѣстической формѣ дѣйствительное событіе изъ жизни доблестнаго Я. О. Долгорукаго. Взятый въ плѣнъ въ битвѣ подъ Нарвой, Долгорукій десять лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Въ 1711 г., по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены моремъ въ Умео. Въ числѣ 44-хъ русскихъ—плѣнниковъ, посаженныхъ на одномачтовое небольшое судно, былъ и Я. О. Долгорукій. Семидесятилѣтній воинъ составилъ заговоръ и овладѣлъ судномъ—обезоруживъ, послѣ схватки, своихъ стражей шведовъ. Корабль былъ направленъ къ русскимъ берегамъ и плѣнники спаслись.

Кромѣ того эти заключительные стихи, вошедшіе потомъ съ измѣ-
неніемъ въ окончаніе 3-й строфы, первоначально были написаны такъ:

«Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Въ своей темницѣ безотрадной,
Я буду таять ¹⁾, какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадной.

Съ унылой жизнью догора,
Потухнетъ къ славѣ жаръ природной,
И ревность къ подвигамъ царя
Замретъ въ душѣ моей свободной.
Напрасно ужась битвы люблю,
Вотще пылаю славой дѣдовъ;
Увы! меча не притуплю
Объ кости я враждебныхъ шведовъ».

5-я и 6-я строфы первоначально читались:

«Прости-жь на вѣкъ мой край родной;
Тебя я не увижу богъ,
И кончу дни въ землѣ чужой,
Томясь бездѣйствіемъ въ неволѣ.
Ахъ лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ.
Чѣмъ жизнь безъ чести и свободы;
Не русскому стенать въ цѣпяхъ
И изживать безъ цѣли годы.

Не русскому влачить яремъ,
И тяжкій сердну и постыдной:
Я—завладѣю кораблемъ,
Иль смертію умру завидной!» —
Такъ пѣлъ герой... я пр.

Для начала 5-й строфы былъ еще вариантъ:

«Умру въ бездѣйствіи, въ цѣпяхъ! ²⁾
Потухнетъ съ жизнью къ славѣ пламень;
И на враждебныхъ берегахъ ³⁾
Воздвигнуть мой надгробный камень».

Вдохнулъ герой при мысли сей.
Неволью проступили слезы...

Богѣе всего подверглась передѣлкамъ послѣдняя строфа. Вотъ
ея варианты:

1.

«За мной, друзья!» вдругъ загремѣлъ
Отважный князь, сверкая шагаой,

¹⁾ Вм. «Истаю жертвой».

²⁾ «Въ чужбинѣ мой истлѣветъ прахъ», а потомъ: «угасну медленно въ цѣпяхъ».

³⁾ «Умру—на чуждыхъ берегахъ».

И съ горстью русскихъ полетѣлъ,
На экипажъ, горя отвагой.

2.

«За мной», друзья! вдругъ загремѣлъ,
Мечемъ сверкая Долгорукій ¹⁾
И съ горстью русскихъ полетѣлъ;
И раздались оружіи звуки.
Мгновенно конченъ дерзкій бой;²⁾
Предъ русской силой шведы пали ³⁾
И въ Ревель ихъ корабль стрѣлой
Валы покорные помчали.

3.

«За мной, друзья!» вдругъ загремѣлъ,
Подобно бурѣ, Долгорукій.
«Ура!» Помчался! Бой вскипѣлъ
И раздались оружіи звуки.
Лилась недолго кровь ручьемъ;
Враги предъ горстью русскихъ пали
И въ Ревель храбрыхъ съ торжествомъ
Валы покорные помчали.

Укажемъ и еще одну наброску, оставшуюся неотдѣланной:

Услыша гласъ, зовущій въ бой,
Помчались русскіе грозю.

.....

Затѣмъ изъ остальныхъ „ненапечатанныхъ“ Думъ уцѣлѣли только незначительные отрывки, какъ напр. изъ Думы „Минихъ“ только четыре стиха, которые приведены въ настоящей статьѣ ниже.

III.

ВАРЬЯНТЫ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ НАПЕЧАТАННЫХЪ ДУМЪ.

Изъ Думъ, напечатанныхъ въ изданіи 1825 г., нѣкоторыя находятся въ бумагахъ Рылѣва въ полныхъ спискахъ. Пока мы приводимъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаются болѣе или ме-

¹⁾ «Сверкая взоромъ Долгорукій».

²⁾ «Бой съ врагомъ», потомъ: «славный бой».

³⁾ «Враги предъ русской силой пали».

нѣе значительные варианты съ печатнымъ текстомъ. Одной изъ нихъ: Петръ Великій въ Острогжскѣ, предшествуетъ слѣдующая замѣтка Рылѣва:

„Острогжскъ, нынѣ уѣздный городъ Воронежской губерніи, нѣкогда былъ главнымъ городомъ Острогжскаго слободскаго поля. Онъ построенъ въ 1652 году и первоначально населенъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, заднѣпровскими казаками, въ числѣ 1000 человекъ пришедшими съ полковникомъ своимъ Дзеньковскимъ. За вѣрныя службы свои противу ногайцовъ и крымцевъ (отъ коихъ въ послѣдствіи почти цѣлый вѣкъ оберегали они границы Россіи), а болѣе еще за оказанныя услуги противъ Виговскаго и Брюховецкаго, получили они отъ царя похвальныя грамоты, право свободнаго винокуренія и нѣкоторыя другія привилегіи. Сія выгоды и благословенный климатъ привлекли на обширныя земли ихъ множество выходцевъ. Упомянутыя грамоты и права въ послѣдствіи были подтверждены почти всѣми Монархами Россіи, въ томъ числѣ Петромъ, Екатериною и благословеннымъ внукомъ ея. Обитатели края благоденствовали. Года за три предъ симъ благосостояніе страны сей стало приходить въ упадокъ. Неурожай и невозможность съ прежнею дешевиною содержать рогатый скотъ нанесли первый ударъ цвѣтущему состоянію тамошнихъ жителей. Торговля годъ отъ году становится маловажнѣе. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло и въ другія причины теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствъ края. Я съ своей стороны, смѣю сказать, что свобода винокуренія, которою прежде равно пользовались и богатые и бѣдные всѣхъ сословій, хотя существуетъ и нынѣ для всѣхъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ перешла въ руки однихъ капиталистовъ, отчего для многочислѣннѣйшей части дворянства и войсковыхъ жителей, или такъ-называемыхъ черкесовъ, почти единственный источникъ ихъ благосостоянія изсякнулъ совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества.

„Не за излишнее считаю сказать, что на земляхъ острогжскихъ не видали крѣпостныхъ крестьянъ до конца прошедшаго столѣтія. Полевыя земли, доставшіяся въ послѣдствіи разнымъ чиновникамъ острогжскаго поля, были обрабатываемы вольными людьми или казаками. Нѣкоторые частныя безпорядки отъ свободнаго перехода сихъ людей, побѣги на Донъ и нѣкоторыя другія причины были поводомъ къ разнымъ прошеніямъ Екатерины Великой и императору Павлу, въ слѣдствіе которыхъ и состоялся указъ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрѣпленные къ землѣ малороссіане по сіе время называютъ

себя только подданными, какъ бы въ отличіе отъ крѣпостныхъ, коихъ они зовутъ и дразнятъ крѣпаками.“

„Петръ Великій, по взятіи Азова, въ августѣ мѣсяцѣ 1696 года, прибылъ въ Острогожскъ. Тогда пріѣхалъ въ сей городокъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣлы Россіи отъ татаръ. Онъ поднесъ въ даръ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осыпанную драгоценными камнями, и на золотой цѣпи щитъ, съ подобными же украшеніями. Преданіе говоритъ, что Мазепа въ то время былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый Гетманъ умѣлъ вкратцѣ въ милость Петра. Монархъ почтилъ его своимъ посѣщеніемъ, обладалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честью отпустилъ въ Украину“ ¹⁾.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ.

ДУМА.

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вкругъ монарха сердюки,
Судьи, сотники толпою
И толпами казаки.

«Видѣнъ промысла святова
«Надъ тобою дивный щитъ», —
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ, —
«Оглася побѣдой славной
«Моря Чернаго берега,
«Ты смирилъ, монархъ державный,
«Неповорнаго врага.

«Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
«Превзошелъ ты всѣхъ владѣть,
«Ты не блещущей порфирой,
«Ты душой своей великъ.
«Чту я славою и честью
«Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
«И губительною местию
«Пролетѣтъ по ихъ полкамъ.

¹⁾ Конецъ приведенной здѣсь записки, со словъ «Петръ Великій», напечатанъ съ незначительными измѣненіями на стр. 141, изданія 1825 г. П. Ш.

«Уснѣжился чорный волосъ
 «И булатъ дрожить въ рукѣ:
 «Но зажжетъ еще мой голосъ
 «Пылъ отваги въ казаки,
 «Въ пыломъ сердцѣ жажда славы
 «Не остнѣла въ зиму дней:
 «Празднество мнѣ—бой кровавый;
 «Мнѣ музыка—стукъ мечей!»

Кончили—и къ стопамъ Петровымъ
 Щитъ и саблю положили;
 Но, казалось, вождь суровый
 Что-то въ сердцѣ затаилъ...
 Въ пышномъ, гетманскомъ уборѣ,
 Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
 Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
 Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной
 Былъ Мазепа, вождь сѣдой,
 Можетъ быть еще невинный,
 Можетъ быть, еще герой.
 Гдѣ-жъ свидавіе съ Мазепою
 Дивный свѣту царь имѣлъ?
 Гдѣ герою вождь свирѣпый
 Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ гдѣ волны Острогочи
 Въ Сосну Тихую ¹⁾ влились;
 Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ роши
 Надъ потокомъ разрослись;
 Гдѣ съ отвагой молодецкой
 Русскій крымцевъ поражалъ;
 Гдѣ напрасно Брюховецкой
 Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
 Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ,
 Завѣщалъ князюцѣмъ внукамъ
 Жажду воли и побѣдъ;
 Тамъ гдѣ съ щедростью обычной,
 За ничтожный легкій трудъ,
 Плодъ оратаю сторичный
 Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ лугахъ необозримыхъ,
 При журчаніи волны,

¹⁾ Въ изд. 1826 г. Въ «Сосну тихую» ошибочно, потому что рѣка называется Тихая Сосна. Она впадаетъ въ Донъ и на ней стоитъ г. Острогомскъ.

Кобылицъ неукротимыхъ
Гордо бродягъ табуны;
Гдѣ, въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогжскихъ казаковъ.

АРТЕМОНЪ МАТВѢВЪ.

ДУМА¹⁾.

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ Двора,
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ сносилъ позоръ изгнанья²⁾,
Сносилъ съ величіемъ души
Безъ слезъ, безъ скорби, безъ роптанья³⁾.

«Когда защитникъ намъ законъ,
И совѣсть сердца не тревожить,
Тогда ни ссылка, — думалъ онъ, —
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Былъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Вездѣ въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

«Знать были для гражданъ мои
Мои усилія не тщетны⁴⁾,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтный⁵⁾;
Когда съ родительскихъ могилъ
Народъ мнѣ въ даръ привезъ камень
И тѣмъ всю нѣжность изъявилъ
Ко мнѣ любви и уваженія;

«Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружатъ

¹⁾ Напечатана въ изд. 1825 г. на стр. 135—142, съ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ приведены нѣкоторые общезвѣстные данныя изъ біографіи Матвѣева.

²⁾ Было: «Семь лѣтъ постыдное изгнанье»; а въ печатномъ: «Семь лѣтъ позоръ и стыдъ изгнанья».

³⁾ «И роптанья».

⁴⁾ Въ печатномъ: «Для блага согражданъ моихъ усилія мои не тщетны».

⁵⁾ Въ печатномъ за этими стихами пропущено четыре и слѣдуетъ: «Всѣ козни» и пр.

И ненависть моихъ враговъ
 Въ безславію для нихъ послужить.
 Пускай передъ царемъ меня
 Чернить и клевета и злоба;
 Предъ ними не унижусь я;
 Мнѣ честь сопутницей до гроба.

«Щитомъ противъ коварства стрѣлъ
 Среди моей позорной ссылки—
 Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
 И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій! ¹⁾
 Опалой царской налешень
 Я гордости той благородной,
 Которою лишь одаренъ
 Мужъ справедливой и свободной.

«Пустоозерска дикій видъ,
 Угрюмая его природа,
 Не въ силахъ твердости лишить
 Благотворителя народа.
 Своей покорствуя судьбѣ,
 Быть твердымъ всюду я умѣю;
 Жалѣю я не о себѣ,
 Я болю о царѣ жалѣю.

«На страшной трона высотѣ
 Необходима прозорливостъ!
 О государь! ²⁾ внявъ клеветѣ
 Ты оказалъ несправедливостъ!
 Меня ты въ ссылку осудилъ
 За толь-что я служилъ полвѣка?
 Но я давно тебя простилъ,
 О царь! простилъ, какъ человѣка...

«Близъ трона, притаясь, всегда
 Гнѣздятся лести и вѣроломство;
 Сколь много для царей труда!
 Дѣяньямъ ихъ судьей—потомство!
 Увы! его склонить нельзя
 Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ,
 Нелицебѣрный сей судья
 Творить свой приговоръ надъ прахомъ».

¹⁾ Въ печатномъ изд. здѣсь слѣдуютъ четыре стиха, измѣненные изъ четырехъ заключительныхъ стиховъ 3-й строенъ:

«Того не потемнится честь,
 Кому, почтивъ дѣла благія,
 Народъ не пощадилъ принести
 Въ даръ камни предковъ гробовые.

²⁾ Вышло: «О, Феодоръ!»

Въ печатномъ изданіи добавлена еще строфа:

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
 Неся позорной ссылки бремя—
 И правоту его души
 Предъ свѣтомъ оправдало время.
 Другъ истины и другъ добра,
 Гора къ отечеству любовью,
 Палъ мертвъ за юнаго Петра,
 Запечатлѣвъ невинность кровью.

НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА ¹⁾.

Настала осени пора:
 Въ долинахъ вѣтры бушевали,
 И волны мутнаго Днѣпра
 Песчаный берегъ подрывали.
 На брегъ сей, дикой и крутой,
 Невольно слезы проливая,
 Бесѣдовать съ своей тоской
 Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребій мой,
 Раздастся колоколь церковный —
 И я на вѣкъ съ своей тоской
 Сокроюсь въ келии безмолвной!
 О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
 Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ;
 Сегодня я въ послѣдній разъ
 Могу мечтать о другѣ миломъ!»

«Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
 Брожу съ воспоминаемъ смутнымъ,
 И тяжкую печаль души
 Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
 Была гонима всюду я
 Жезломъ судьбины самовластной;
 Увы! вся молодость моя
 Промчалась осенью ненастной!»

«Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
 Я отцвѣтала въ заточеньѣ:
 Мнѣ другъ прекрасный и молодой
 Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.

¹⁾ Напечатано въ изд. 1825 г. на стр. 157—163, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Благія Наталія Борисовна, дочь фельдмаршала Шереметева, знаменитаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ увѣковѣчили ея имя».

Ему я спутницей была
 Въ странѣ угрюмой и пустынной,
 И въ даръ съ рукою принесла
 Любовь души своей невинной».

«Онъ жертвой мести лютой палъ,
 Кровь друга плаху оросила;
 Но я, брода межъ снѣжныхъ скалъ,
 Ему въ душѣ не измѣнила.
 Свершится завтра жребій мой;
 Раздастся колоколъ церковный,
 И я навѣкъ съ своей тоской
 Сокроюсь въ келии безмолвной.»

«О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
 Вы слезы въ мѣстѣ семъ уныломъ;
 Сегодня я въ послѣдній разъ.
 Могу мечтать о другѣ миломъ!
 Послѣдній разъ въ нѣмой глуши
 Брожу съ воспоминаемъ смутнымъ,
 И тяжкую печаль души
 Въвѣряю роцамъ безпріютнымъ.»

Тутъ снявъ кольцо съ своей руки,
 Она его ¹⁾ поцѣловала,
 И бросивъ въ глубину рѣки,
 Въ слезахъ вздохнула и сказала: ²⁾
 «Сокройся въ шумной глубинѣ,
 О перстень, перстень обручальный,
 И въ монастырской жизни мнѣ
 Не вспоминай ³⁾ любви печальной!» —

Обрадъ свершился роковой!
 Прости послѣднее веселье:
 Одна съ угрюмою тоской
 Страдалица сокрылась въ кельѣ.
 Въ постѣ всѣ дни свои влеча,
 Сидялась грустью безотрадной,
 Она погасла ⁴⁾ какъ свѣча,
 Какъ предъ иконой огонь лампадной.

Въ концѣ прибавленъ вариантъ:

Вруча навѣкъ Творцу себя,
 Отрекшись жизни сей мятежной,
 Не въ правѣ завтра буду я
 Воспоминать о страсти нѣжной!...

¹⁾ Въ печ. «Она кольцо поцѣловала».

²⁾ Печ. «Лицо закрыла и взыдала».

³⁾ Печ. «Не оживляй». ⁴⁾ «Истлѣла».

Помѣта Рылѣва: „Около Павлограда, близъ сл. Дмитріевки на Самарѣ“¹⁾.

Въ изданіи 1825 г. вмѣсто 12 стиховъ слѣдующихъ за 4-мъ стихомъ 4-й строфы напечатано:

«Забыла я родной свой градъ
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность».

«Все съ твердостью перенесла,
И бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукаго спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой наль;
Бровь друга плачу оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ саялъ,
Ему въ душѣ не измѣнила».

«Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашней о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сжатуя тоской,
Неволью проливала сладость».

«Но завтра, завтра я должна
На вѣкъ забыть о страсти нѣжной;
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ,
И, холодна въ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ,
Мечтать до гроба лишь о гробѣ».

«О лейтесь, лейтесь-же изъ глазъ и пр.

Послѣ 7-й строфы напечатано еще 8 стиховъ:

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ гѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

¹⁾ Рѣка въ Елатеринской губ. Впадаетъ въ Дезирь.

Приведемъ еще одну изъ совершенно отдѣльныхъ „Думъ“, именно:

ДЕРЖАВИНЪ.

ДУМА¹⁾.

(Н. И. ГНѢДИЧУ).

Съ деревъ валится желтый листь,
 Не слышно птицъ въ лѣсу угрюмомъ,
 Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
 И плещутъ волны въ берегъ съ шумомъ.
 Надъ Хутыскимъ монастыремъ
 Пригѣтно солнце догорало,
 И на главахъ златымъ лучемъ,
 Изъ тучъ проправшись, трепетало.

Какой-то думой омраченъ,
 Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ;
 Но вдругъ остановился онъ,
 И заблесталъ огонь во взглядѣ:
 «Что вижу я?... На сихъ брегахъ, —
 Онъ рекъ, — для сѣвера священной
 Державина-ль почіеть прахъ
 Въ обители уединенной?» —

И засіяли, какъ росой,
 Слезами юности рѣсницы,
 И онъ съ удвоенной тоской
 Сѣлъ у подножія гробницы;
 И долго, молча, онъ сидѣлъ,
 И мрачною тревожимъ думей
 Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
 На грустный памятникъ угрюмо,

Но вдругъ восторженный вѣщалъ:
 «Что я напрасно здѣсь тоскую?
 Намъ дивный бардъ не умиралъ:
 Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
 Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
 Общественное благо ставилъ
 И въ огненныхъ своихъ стихахъ
 Святую добродѣтель славилъ.

«Онъ долгъ пѣвца постигъ воистинѣ,
 Онъ свѣтъ горѣлъ вѣнокъ негнѣбной,
 И былъ въ родной своей странѣ
 Органомъ истиннѣй священной.

¹⁾ См. въ изданіи 1825 года на стр. 165 — 172.

Вездѣ пѣвецъ народныхъ благъ,
 Вездѣ гонимыхъ оборона
 И зла непримиримый врагъ,
 Онъ такъ твердилъ любимцамъ трона:

«Вельможу должны составлять
 «Умъ здравый, сердце просвѣщено!
 «Собой примѣръ онъ долженъ дать,
 «Что званіе его священо;
 «Что онъ орудье власти есть,
 «Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
 «Должны быть польза, слава, честь
 «Вся мысль его, цѣль словъ, дѣланій»¹⁾.

«О такъ! нѣтъ выше ничего
 Предназначенія поэта:
 Святая правда—долгъ его;
 Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
 Служитель избранный Творца,
 Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
 Святой, высокій санъ пѣвца
 Онъ дѣломъ оправдать обязанъ:

«Ему невѣдомъ низкій страхъ;
 На смерть съ презрѣніемъ взираеть,
 И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
 Стихомъ правдивымъ зажигаетъ.
 Надъ нимъ кто будетъ властелинъ?
 Онъ добродѣтель свѣта цѣнитъ,
 И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
 И въ думахъ тайныхъ не измѣнитъ.

«Таковъ нашъ Бардъ Державинъ былъ;
 Всю жизнь онъ велъ борьбу съ порокомъ;
 Судьямъ ли правду говорилъ,
 Онъ такъ гремѣлъ съ святымъ пророкомъ:
 «Вашъ долгъ на сильныхъ не взирать;
 «Безъ помощи, безъ обороны
 «Сиротъ и вдовъ не оставлять
 «И свято сохранять законы.

«Вашъ долгъ несчастнымъ дать покровъ,
 «Всегда спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
 «Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ,
 «Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ».²⁾
 Пѣвцу ли ожидать стыда
 Въ судъ грядущихъ поколѣній?

¹⁾ См. «Вельможа», соч. Державина.

²⁾ См. «Есть властителямъ и судьямъ» его же.

Не осквернить онъ никогда
Порочной мыслию твореній.

«Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердце
И развращать народа нравы
Поклонникъ пламенный добра,
Ничѣмъ себя не опорочить
И освященнаго пера —
Въ нечестьи буйномъ не омочить.

«Творцу ли гимнъ святой звучить
Его восторженная лира —
Словами онъ какъ громъ гремитъ,
И вторять гимнъ народы міра.
О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Откажетъ ли и самый рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ?

«Ты правъ пѣвецъ: ты будешь жить;
Ты памятникъ воздвигнулъ вѣчный:
Его не могутъ сокрушить
Ни громъ, ни вихоръ быстротечный.»¹⁾
Пѣвецъ умолекъ — и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось — и въ волненіѣ
Вздохнувъ, онъ отходя вѣщалъ
Въ какомъ-то дивномъ изступленіѣ:

«О, пусть не буду въ гимнахъ я,
Какъ нашъ Державинъ, дивенъ, громокъ;
Лишь только-бъ молвилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
«Парилъ онъ мыслию въ вѣкахъ,
«Объдуя вызывая древность,
«И воспалалъ въ младыхъ сердцахъ
«Къ общественному благу ревность!»

 IV.

ПОСЛАНИЯ, ЭПИГРАММА, ОТРЫВКИ.

Изъ цѣльныхъ „ненпечатанныхъ“ стихотвореній Рылѣева въ бумагахъ его сохранилось только одно, набросанное во время пребыванія въ Острогжскѣ, т. е. въ іюнѣ 1821 г. Но прежде нежели при-

¹⁾ См. «Памятникъ», подражаніе Державина Горациевой одѣ: «Exegi monumentum aere perennius».

ведемъ это стихотвореніе, укажемъ на обстоятельство, его вызвавшее. Известно, что Пушкинъ не признавалъ поэтического таланта въ Рылѣвѣ и въ письмахъ своихъ въ особенности подсмѣивался надъ его „Думами“, находя въ нихъ анахронизмы (напр. щить Олеговъ съ гербомъ Россіи), неточности (напр. лучъ денница, вм. дневного луча) и т. н. и выводилъ заключеніе, что онъ „вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ; всѣ на одинъ покрой, loci topici (sic): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и правоученіе; національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ“. На эту-то замѣтку Пушкина и возражаетъ Рылѣвъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

ВЕСТУЖЕВУ.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій провозгласъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный вѣвѣсилъ;
Но отъ того, Вестужевъ, еще востъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

Моя душа до гроба сохранитъ
Высокихъ думъ кипящую отвагу;
Мой другъ! Не даромъ въ юности горитъ
Любовь къ общественному благу.

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души уноситъ,
На зло врагамъ тотъ всегда поэтъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Такъ и ко мнѣ, хвала со мной союзъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

Припомнимъ, что Пушкинъ еще „строже“ отнесся къ А. Н. Радищеву... Впрочемъ Рылѣвъ и самъ не весьма высоко цѣнилъ себя, какъ поэта, что видно изъ окончанія приведенной выше думы „Державинъ“, изъ стихотворенія „Гражданское мужество“ и изъ посвященія Вестужеву-же поэмы „Войнаровский“:

Какъ странникъ грустный, одинокій,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край, съ тоской глубокой,
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи держалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.

Внезапно ты явился мнѣ,
 Повязка съ глазъ моихъ упала;
 Я разувѣрился вполнѣ,
 И вновь въ небесной вышины
 Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
 Плоды безпечнаго досуга;
 Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
 Со всей заботливостью друга.
 Какъ Аполлоновъ строгій смѣхъ,
 Ты не увидишь въ нихъ искусства:
 За то найдешь живыя чувства;
 Я не поэтъ, а гражданинъ ¹⁾.

Эта же мысль находится и въ уцѣлѣвшемъ въ бумагахъ отрывкѣ изъ посланія къ О. Н. Глинкѣ. Мы не знаемъ чѣмъ именно вызвано это стихотвореніе, но не можемъ не припомнить, что Глинку благодарилъ и Пушкинъ (стих. „Анониму“) за то, что онъ отнесся къ нему съ сочувственнымъ стихотвореніемъ въ такое время, когда почти всѣ друзья и знакомые отвернулись отъ находившагося въ опалѣ поэта.

Ты, Глинка, правъ — и твой совѣтъ
 На мудрошь опытѣ основанъ;
 Но пусть чернитъ поэта свѣтъ:
 Ужъ я давно разочарованъ,
 И заблужденій прошлыхъ гдѣть ²⁾
 Въ душѣ ³⁾ увялъ минутный цвѣтъ...
 Я славою не избалованъ,
 Но къ благу общему дыша
 Къ нему отъ дѣтства ⁴⁾ я прикованъ;
 Къ нему летитъ моя душа
 Его пою на звучной лирѣ
 . . . . . гдѣтъ
 . . . . .

Страницу, на которой набросано это стихотвореніе, Рылѣевъ началъ словами: „Благодарю тебя поэтъ“, но зачеркнулъ ихъ и снова началъ „Горжусь“ и далѣе, четыре строки, но потомъ продолжалъ, повидимому, одну изъ „Думъ“ и, если не ошибаемся, именно Милыхъ:

Бипитъ къ неправдѣ онъ враждой,
 Ярмо гражданъ его тревожитъ;

¹⁾ Это посвященіе было уже перепечатано изъ изданія 1825 г. въ „Отеч. Зап.“ 1860 г., кн. V, стр. 135 — 136, въ нашей статьѣ: «А. А. Бестужевъ».

Ред.

²⁾ Было: «юныхъ».

³⁾ «Давно увялъ».

⁴⁾ «Душою я прикованъ».

Свободный славянинъ душой,
Онъ раболѣбствовать ¹⁾ не можетъ. —

Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотѣ и предъ треномъ.

Сидѣлъ лишь Минихъ одинокъ
И, тайною тревожимъ думой,
Съ презрѣнiемъ, какъ на порокъ,
Глядѣлъ на деспота угрюмо.

Потомъ встрѣчается еще наброска, трижды передѣланная:

Свободой, правдой вдохновенный
Отъ знатныхъ сохранилъ я честь,
И не вымѣнивалъ за лесть
Ихъ благосклонности надменной.

Не знаемъ, осталось-ли что-нибудь изъ стихотворенiй, которые поэтъ начиналъ стихами: 1) „Меня плѣняли наши дѣды“, 2) „Тамъ, гдѣ Донъ волной лѣнливой“, 3) „Свободу сердцемъ обожаю“, 4) „Шѣвецъ свободы, правды, чести“, 5) „Тамъ, гдѣ горы мѣловыя“, 6) „То да, какъ смутенъ и взволнованъ“, и проч. Сохранились еще слѣдующiе наброски, въ разныхъ листахъ:

1.

Но черный призракъ мнимои чести,
Борьба души, волненье думъ
И жажда кровожадной мести
Затмили юношескiй умъ.....

2.

Въ краю, гдѣ солнце рѣдко блещетъ
На мрачныхъ небесахъ;
Гдѣ Сосва ²⁾ въ берегъ съ ревомъ плещетъ,
Гдѣ воетъ вѣтръ въ гѣсахъ.
Гдѣ снѣгъ лежитъ двѣ трети года,
Какъ саванъ гробовой,
И полумертвая природа
Чуть оживаетъ весной.
Гдѣ царство вьюги и мороза,
Гдѣ жизни нѣтъ ни въ чемъ,
Чернѣетъ сумрачно береза
На берегу крутомъ.
Подъ кровомъ хижины убогой....

¹⁾ «Покойно рабствовать».

²⁾ Сосва рѣка — въ Тобольской губ., Березовскаго уѣзда, впадаетъ въ Обь, выше Березова.

3.

Я помню васъ, мои друзья,
Я помню васъ, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды....

4.

Лишь отъ пурпурной денницы
Загорѣлся небосклонъ.....

5.

Что именинницѣ прелестной
Я пожелаю въ этотъ день?..

6.

Тогда какъ рой друзей младыхъ
Душою вашей очарованъ.....

7.

Вы снисходительны, я знаю;
Порука мнѣ — вашъ милый взоръ;
Я съ вами отъ души болтаю,
Простите вы сердечный вздоръ.....

8.

Они подъ звукомъ трубъ повиты.
Концемъ копья воскормлены,—
Луки натянуты, колчаны ихъ открыты,
Путь свѣдомъ ко врагамъ, мечи наточены.
Какъ волки сѣрые они по полю рыщутъ —
И — чести для себя, для князя — славы ищутъ.
Ничто имъ ужасы войны!

Въ душѣ пылая жаждой славы,
Князь Игорьъ изъ далекихъ странъ
Къ коварнымъ половцамъ сѣштитъ на пирь кровавый
Съ дружиной малою отважныхъ сѣверянъ.
Но презирая смерть и пламенѣя боемъ,
Послѣдній ратникъ въ ней является героемъ ¹⁾...

. . . . .

9.

Такъ за мечтою легкокрылой
Отъ шумныхъ невскихъ береговъ
Перелеталъ пѣвецъ унылый
Въ страну пустынную снѣговъ...

¹⁾ Этотъ отрывокъ составляетъ переложение одного мѣста изъ «Слова о Полку Игоревѣ».

10.

Оставь меня! Я здѣсь молю:
 Да всеблагое провидѣнье
 Отпустить двѣ преступленье,
 Что я тебя еще люблю.
 Молю: да ненависть заступитъ
 Преступной страсти пламень злой, —
 И честь, и стыдъ и мой покой
 Цѣной достойною искупить.

На рукописи Думы „Наталія Долгорукова“ находимъ списокъ статей и авторовъ, повидимому, для приготовлявшагося альманаха, такъ какъ нѣкоторыя пьесы этого списка вошли въ „Полярную Звѣзду“ на 1825 годъ.

1) Гражданское мужество. Рылъева.	} Жуковскій. Глядичъ. Крыловъ. Вяземскій. Лобановъ.
2) Невинность. Плетнева.	
3) Монастырь. М. Дмитриева.	
4) Отрывки изъ посланія. А. Пушкина.	
5) Романсъ. Дельвига.	
6) Ранняя любовь. Норова.	
7) Неряда. А. Пушкина.	
8) Двѣ басни. И. Дмитриева.	
9) Сестрѣ. Баратынскаго.	

Вотъ первое изъ этихъ стихотвореній совершенно въ томъ видѣ, какъ оно напечатано:

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто, кто сей дивный великанъ,
 Одѣянъ свѣтлою броней,
 Чело спокойно, строенъ станъ
 И весь сіяетъ красотою?
 Кто сей украшенный вѣнкомъ,
 Съ мечемъ, вѣсами и щитомъ,
 Презрѣвъ враговъ и горделивость,
 Стоитъ гранитною скалой
 И давить сильною пятой
 Коварную несправедливость?

Не ты ли, мужество гражданъ,
 Неколебимыхъ, благородныхъ,
 Не ты ли геній древнихъ странъ,
 Не ты ли сила душъ свободныхъ,
 О доблесть, даръ благихъ небесъ,
 Героевъ мать, вина чудесъ,
 Не ты ль прославила Катоновъ,
 Отъ Катилины Римъ спасла,
 И въ наши дни всегда была
 Надежною опорой троновъ!

Одушевленные тобой,
 Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
 Отъ бѣдъ спасали край родной,
 Сіяя славой, Аристыды;
 Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
 Не погасала въ ихъ сердцахъ
 Любовь къ общественному благу,
 Любовь къ согражданамъ своимъ:
 Они благотворили имъ
 И тамъ, на стыдъ Ареонагу.

О ты, которая вездѣ
 Была народныхъ благъ порукой:
 Тобою славны на судѣ
 И Цанинъ нашъ и Долгорукой:
 Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
 Дерзалъ оспаривать Петра;
 Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
 И вопль и клевету враговъ,
 Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
 И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
 И страхомъ сталъ для чуждыхъ воевъ,
 Къ своимъ знаменамъ приковалъ
 Побѣду, спутницу героевъ!
 Отчизны щитъ, гроза враговъ,
 Онъ достояніе вѣковъ;
 Пѣвцовъ возвышенные звуки
 Прославятъ подвиги вождя,
 И, юношамъ объ нихъ твердя,
 Въ восторгѣ затрепещутъ внуки.

Какъ полная луна порой,
 Покрыта облаками ночи,
 Пробьетъ внезапно мракъ густой
 И путникамъ заблещетъ въ очи:
 Такъ будетъ вождь сквозь мракъ времянь
 Сіять для будущихъ племенъ;
 Но подвигъ война гигантскій
 И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
 Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ —
 Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
 Къ вреду законовъ и свободы?
 Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
 Гордились ими всѣ народы;
 Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
 Вездѣ лилася кровь ручьемъ.

Аттилъ и Цезарей и Бренновъ
Зрѣлъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой.....
Но много ль было Цицероновъ?...

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполнновъ
Екатерининскихъ временъ—
Для блага сѣверныхъ племенъ
Въ совѣтъ бодрствуетъ Мордвиновъ? ¹⁾

Итакъ, сограждане, не намъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивить;
Вотще коварство вокругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строя,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянія героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимая имъ,
Души возвышенной свободу
Хранить въ совѣтахъ и судѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мгlistомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумять ручьи, реветъ рѣка;

---

¹⁾ Свое изданіе «Думъ» 1825 г. Рылъевъ посвятилъ знаменитому умомъ и гражданскою доблестью адмиралу гр. Н. С. Мордвинову.

Но тщетны дерзкіе порывы:
 Эльбрусъ, кавказскихъ горъ краса,
 Невозмутимъ, подъ небеса
 Возносить верхъ свой горделивый.

1825.

На особомъ листѣ, судя по черниламъ, написанномъ очень за-долго до всего вышеприведеннаго, встрѣчается эпиграмма на импер. австрійскаго Франца I, несчастнаго противника Наполеона I. Онъ, какъ уже указано въ IV кн. „Русс. Стар.“ 1870 г. (изд. перв. стр. 344), въ старости сдѣлался кретиномъ и преимущественно занимался битьемъ мухъ особо изобрѣтенными клопушками.

•
 Весь міръ великостію духа
 Сей императоръ удивилъ:
 Онъ непріятель мухамъ былъ,
 А непріятелямъ былъ муха.

Здѣсь же помѣщено начало большаго стихотворенія. Стиховъ 15 было написано, передѣлано нѣсколько разъ и зачеркнуто. Всѣ они, впрочемъ, вошли въ слѣдующія строфы:

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ,
 Но мы не спимъ, мы надзираемъ,
 И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
 Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.

Въ одно мгновенье врагъ разбить,
 Врасплохъ застичнуть удалцами,
 И въ слѣдъ за ними страхъ летить
 Съ неутомимыми донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ тѣсь густой
 Съ добычей вражеской уходимъ,
 И тамъ за чашей круговой
 Минуты отдыха проводимъ.

Съ зарей бросаешь свой ночлегъ,
 Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
 На нихъ нечаянный набѣгъ
 Иль неожиданная сѣча.

Такъ сонны ратниковъ простыхъ
 Досутъ безпечный провождали.....

Сбоку листа набросано, по всей вѣроятности, окончаніе какого-нибудь болѣе или менѣе обширнаго и притомъ прекраснаго стихотворенія:

Повсюду вопли, стоны, крики
 Надъ бѣлокаменной Москвой,

Лишь временемъ Иванъ Великій
 Сквозь огонь, сквозь дымъ и мракъ ночной
 Столпомъ огромнымъ прорѣзался
 И, въ небесахъ блестя челомъ,
 Во всемъ величїи своемъ,
 Великой жертвой любовался.

V.

ПОЭМЫ.

Изъ „поэмъ“ Рылѣва въ бумагахъ сохранились всѣ въ болѣе или менѣ полныхъ отрывкахъ. Одинъ изъ такихъ отрывковъ; „Гай-дамакъ“, находится въ 7-ми спискахъ, начиная съ первоначальныхъ набросковъ до окончательной отдѣлки, въ которой тѣмъ не менѣе тоже встрѣчаются исправленія. Приводимъ послѣднюю редакцію:

ГАЙДАМАКЪ.

Осенней ночью, близъ кургана,
 Въ степи глухой у огонька
 Сидятъ одни, во мглѣ тумана,
 Два запорожскихъ казака.
 Напрасно зоркія ихъ очи
 Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
 Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ;
 Вотще они въ сырой землѣ
 Свое прикладываютъ ухо;
 Кругомъ все сумрачно и глухо:
 Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ;
 Ни звѣздочки среди небесъ.
 Объята черной пеленою,
 Какъ будто вся природа спитъ,
 Лишь налетая вѣтръ порою
 Сухой ковылью шевелить,
 Да кони борзые, на волѣ
 Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ.....

«Гдѣ запоздалъ онъ? Ужъ пора
 Ему примчаться. Отъ Днѣпра
 Тутъ недалеко..... Конь надежный.....
 Съ нимъ и въ такую ночь никакъ
 Съ дороги сбиться невозможно;
 Притомъ лихой и Гайдамакъ!
 Пусть ночь удвоя чорный мракъ,
 На степь унылую наляжетъ;
 Казакъ всегда казакъ: ему
 На Запорожіе сквозь тьму
 Пустынный вѣтеръ путь укажетъ.....»

«Не подстерегъ ли удалца
 Въ глуши татаринъ кровожадный?
 Ну чтожь? Пусть такъ: у молодца
 Булатъ съ пищалью семнадцдой,
 И въ ясный день и въ часъ ночной
 Онъ самъ нерѣдко съ самопаломъ
 Стрежеть враговъ въ травѣ густой,
 Иль рыцетъ по стени шакаломъ..»

«Я хорошо тотъ помню день,
 Когда пришелъ онъ въ нашъ курень,
 И клятву далъ быть гайдамакомъ,
 За Свѣчъ свободную стоять
 И вѣчно ненависть питать
 И къ хищнымъ кришдажъ и къъ полякамъ.
 Непринужденный разговоръ,
 Движенья, шестуль, гордый взоръ,
 Черты, жуланъ — все родъ высовой
 Изобличало въ пришлецѣ.
 Прекрасенъ гость былъ червокой,
 Все насъ плѣвало въ молодцѣ;
 Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
 На молодомъ его лицѣ..»

«Всѣ, долюбя, его, даскали,
 Шутили съ нимъ, средь шумныхъ игръ,
 Но разогнать его печали
 Не могъ никто. Какъ юный тигръ,
 На всѣхъ глядѣлъ нахмура¹⁾ брови;
 Былъ дружибъ чуждѣ, былъ чуждѣ любови,
 Леталъ въ пустыняхъ на водѣ,
 И увядая въ тишицѣ,
 Онъ рвался въ бой, онъ жаждаль крови....
 Сбылось желанье! Саранчой
 Мы поцѣлися, подь Очавовъ —
 И удалствомъ пришлецъ молодой
 Въ грязь задохталъ всѣхъ гайдамаковъ»

«Суровъ и дикъ и одинокъ,
 Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмый,
 И дикѣ бродить, какъ дорожь,
 Въ мѣстахъ глухихъ онъ, съ тайной думой.
 Печаль, какъ черной ночи мгла,
 Ему на сердце налегла.
 Она, жестокая, тревожитъ
 Его повсѣду и всегда;
 Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
 Ея развѣять онъ не можетъ.»

¹⁾ Было: «насуля».

Ему несносна тишина;
 Безъ крови вражеской, безъ боя,
 Онъ будто чухнетъ средь повоя.....
 Его душѣ нужна война:
 Опасность, кровь и шумъ военный
 Одни его животворятъ,
 И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
 Душѣ страдающей дарятъ.
 Толпой и крымцы и поляки
 Не разъ гонимы были имъ;
 Какъ Божій гнѣвъ ужасны съ нимъ
 Въ набѣгахъ буйныхъ гайдамаки.....
 Въ немъ не волнуютъ уже кровь
 Младыхъ украинкокъ любовь
 И вѣрной дружбы гласъ прिवѣтной;
 Давно онъ ко всему примѣтно
 Остылъ безчувственной душой;
 Въ ней вѣетъ холодъ гробовой
 Она какъ черная могилы
 Его всѣ блага поглотила ¹⁾.....

«Всегда опущены къ землѣ
 Его сверкающіе очи;
 Темнѣетъ на его челѣ
 Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
 Еще никто не зрѣлъ того,
 Чтобы хотя на мигъ единый,
 Улыбкой сгладились морщины
 На бронзовомъ лицѣ его.
 Однажды только, увѣрили,
 Въ немъ очи радостью сверкали:
 То было въ замкѣ богача,
 Убитаго имъ на Волыни,
 Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
 Какъ гнѣвъ небесный — саранча;
 Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
 Гдѣ все погибло безопасно
 Иль отъ огня иль отъ меча.....
 Вотще молила дочь молодая,
 Вотще у ногъ лежалъ магнатъ;
 Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
 Вонзилъ онъ съ хохотомъ булатъ.....»

Такъ говорили между собою
 Про гайдамака молодца
 Два заднѣпровскыхъ ²⁾ удальца.

¹⁾ Исправлено: «погубила».

²⁾ Было: «запорожскихъ».

Межъ тѣмъ ужъ началъ за рѣвою
 Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ;
 А запорожда ¹⁾ нѣтъ, какъ нѣтъ....
 Несется ночь.... И вотъ зарею
 Занялся сумрачный востокъ;
 Сильнѣй зашевелилъ травую
 Передразсвѣтннй вѣтерокъ.
 Ужъ погасаетъ огонекъ,
 И вьется тонкою струею
 Во мглѣ рѣдвющей дымокъ....

Вдругъ конскій топотъ раздается,
 Какъ шумъ глухой, изъ далека;
 Вотъ громче, ближе... вотъ несется
 Конь вороной безъ сѣдока.
 Вотъ за могилою степною
 Своихъ товарищей узналъ;
 Помчался къ нимъ, летить стрѣлою
 И подбѣжавши, вдругъ заржалъ,
 Затрясъ ушами и упалъ
 Почти недвижный, бездыханный...
 По шеѣ кровь бѣжить изъ раны,
 Расколотъ рыцарскій сайдакъ
 И безобразными клочками,
 Обрызганъ кровью, межъ ногами,
 Виситъ разорванный чепракъ....

Но гдѣ же грозныйг айдамакъ,
 Краса и слава вольной Сѣчи?
 Погибъ?... Но гдѣ, когда, ²⁾ и какъ,
 И при какой враждебной встрѣчѣ?...

Быть можетъ дерзкою толпой
 Въ глуши захваченный въ неволю,
 Въ темницѣ душной и сырой
 Клянетъ, въ цѣпахъ, свою онъ долю.
 Иль крымскимъ хищникомъ убитъ,
 Въ степи пустынной онъ лежитъ, ³⁾
 И волею уже во мракѣ ночи
 Терзаетъ трупъ среди травы
 И изъ казацкой головы
 Орелъ выклевываетъ очи.....

Какъ мы сказали, и эта редакція еще подвергалась исправле-

¹⁾ Было: «А гайдамака».

²⁾ Было: «за что».

³⁾ Было: «Непогребенный онъ лежитъ».

ніямъ, изъ которыхъ мелкія мы привели въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Кромѣ того вмѣсто заключительныхъ стиховъ 5-й строфы было:

Мы повесился подъ Очаковъ,
 Щипнули на пути поляковъ...
 И удалствомъ пришедець молодой
 И безпощадностью лихой
 Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.

Окончаніе стихотворенія, со словъ „Такъ говорили межъ собою“, было зачеркнуто и написано снова, а въ первоначальномъ видѣ оно читалось такъ:

Такъ говорили межъ собою
 Про гайдамака — молодца
 Два запорожскихъ удалца...
 Межъ тѣмъ руманою зарею
 Ужъ занимается востокъ ¹⁾,
 Ужъ чаще шевелить травю
 Передразвѣтннй вѣтерокъ;
 Ужъ погасаеъ огонекъ,
 И вьется тонкою струею
 Во мглѣ рѣдѣющей дымокъ...
 Вдругъ конскій ²⁾ топотъ раздаеъся
 Какъ шумъ глухой изъ далека;
 Вотъ громче, ближе... вотъ несетса
 Конь вороной безъ сѣдова.
 Вотъ за могилою степною,
 Между высокою травю
 Своихъ товарищей узналъ,
 Помчалса къ нимъ, летить стрѣлою,
 И подбѣжавши вдругъ заржалъ ³⁾,
 Запралъ ушами, и упалъ,
 Почти недвижный, бездыханный...
 По шею кровь изъ черной раны
 Струею на траву бѣжить
 И безобразными клочками
 Обрызганъ кровью межъ ногами
 Чепракъ разорванный висить ⁴⁾.

1) Было: «Часы идутъ. Уже зарею

Занялся сумрачный востокъ».

2) «Вдругъ, слышуть».

3) «Помчалса бметрою стрѣлою;

И подбѣжавши къ нимъ заржалъ».

4) Было: «Струится кровь изъ черной раны,

На шею сдѣланной свинцомъ,

И безобразными кусками

Въ крови висить между ногами

Чепракъ исколотый кругомъ».

Но гдѣ же грозный Гайдамакъ,
 Краса и слава вольной Сѣчи?..
 Погибъ?.. но гдѣ, за что, и какъ,
 И при какой враждебной встрѣчѣ?..
 Быть можетъ дерзкою толпой
 Въ степи захваченный въ неволю,
 Въ темницѣ душной и сырой,
 Кланеть, въ дѣпяхъ, свой онъ долю.
 Иль вримскимъ хищникомъ убитъ
 Въ глуши пустынной онъ лежитъ
 И уже волкъ средѣ мрака ночи .
 Въ колючемъ тернѣ тѣло рветъ
 И въ головѣ казацки очи
 Орелъ безжалостно вивуетъ.

Замѣтимъ, что послѣдніе 6 стиховъ были передѣлываемы и переписываемы нѣсколько разъ.

Въ печати это стихотвореніе явилось въ 1825 г. въ „Соревнователь Просвѣщенія“ (часть XXX, № 4, стр. 97—104), подъ заглавіемъ: „Гайдамакъ. Отрывокъ“. Оно почти не имѣетъ вариантовъ съ приведеннымъ нами текстомъ, кромѣ, какъ кажется, недосмотровъ корректора и почти ничтожныхъ поправокъ, напр. пропущенъ стихъ о конѣ: „съ нимъ и въ такую ночь никакъ“, а черезъ стихъ напечатано: „удаль отважный гайдамакъ“. Напечатано „давно онъ по всему примѣтно“. вм. ко всему; осталось: „два запорожскихъ удалца“, вм. „за днѣпровскихъ“; пропущенъ стихъ „обрызганъ кровью“, и пр. а вмѣсто вольной напечатано: „краса и слава буйной Сѣчи“.

Приводимъ отрывки и изъ первоначальныхъ набросковъ этого стихотворенія.

Не вихрь шумитъ среди степей,
 Не астребовъ орелъ гоняетъ:
 На ворономъ конѣ летаетъ
 За кримицами сѣдой Палѣй.

Осенней ночью близъ кургана,
 Въ степи глухой у огонька,
 Сидятъ одни, во мглѣ тумана,
 Два запорожскихъ казака.
 Ихъ лица смутныя слегка
 Багровый пламень освѣщаетъ,
 Угрюмый видъ ихъ выражаетъ
 И безпокойство и печаль.

Угрюмо, дико все въ природѣ:
 Ни звѣздочки на мрачномъ сводѣ
 Уныло дремлющихъ небесъ;

Рѣка молчить, безмолвенъ гѣсъ;
 Лишь налетая вѣтръ порою
 Ковылью шевелить сухою
 Да кони борзые, на волѣ
 Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ.

Сквозь черный мракъ сгущенной ночи
 Напрасно зоркія ихъ очи
 Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ.
 Вотще они къ сырой землѣ
 Свое прикладываютъ ухо.
 Кругомъ все сумрачно и глухо....

Послѣ этого сюда перенесена, съ исправленіями, зачеркнутая 3-я строфа:

Молчить рѣка, безмолвенъ гѣсъ;
 Ни звѣздочки среди небесъ.
 Объята черной пеленою,
 Какъ будто вся природа спитъ,
 Лишь налетая вѣтръ порою
 Сухой ковылью шевелить,
 Да кони и пр....

Далѣе слѣдуютъ стихи: „Гдѣ запоздалъ онъ?...“ и пр. съ пометками до стиха:

Но что-жъ? Пусть такъ, у молодца
 Булатъ съ пицалью семипядной.
 Бѣжали робко передъ нимъ
 Не разъ и крымцы и поляки.
 Какъ Божій гнѣвъ онъ страшенъ имъ,
 Какъ страшный вихоръ онъ средъ драки.
 Не разъ конями вмѣстѣ съ нимъ
 Топтали мы враждебный Крымъ
 И нивы Польши плодородной....
 Такъ запорожцы въ тишинѣ
 Порой другъ другу говорили....

. . . . .
 Я хорошо тотъ помню день,
 Когда пришелъ онъ въ нашъ курень
 И клятву далъ, быть гайдамакомъ,
 За Свѣчъ свободную стоять
 И вѣчно ненависть питать
 Противу крымцевъ и поляковъ.
 Тогда весьма онъ молодъ былъ,
 Красивъ, высокъ, осанистъ, строенъ;
 Онъ строго налгъ законъ хранилъ,
 И какъ прямой и пылкій воинъ
 Тревоги бурныя любилъ,
 Но въ сердцѣ что-то онъ таилъ
 И былъ душевно неспокоенъ.

Суровъ и дикъ и одинокъ
И вынѣ, какъ тогда угрюмый....

Его зловѣщіе глаза.....

Еще прежде было набросано:

Я хорошо тотъ помню день,
Когда къ Палѣю онъ въ курень
На Запорожіе явился.
Набѣгъ съ нимъ первый полюбился...
Будь проклять этотъ гайдамакъ.

Такъ на досугѣ говорили
Между собою казаки....

„Два казака. Гайдамакъ. Его характеръ. Конь прибѣгаетъ безъ него. Будь проклять этотъ Гайдамакъ“.

„Байракъ. Пенъ. Барвинокъ. Жупанъ..... Иль сизоперому орлу,
къ плотоядному шакалу. Порода..... Спѣсь. Суремки. Суходолье“.

Прекрасенъ гость былъ черноокой...
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,
Черты, жупанъ — все родъ высокой
Изобличало въ пришлецѣ.
Все насъ плѣнило въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ....

И далѣе до стиха „Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ“.

Нерѣдко онъ поля Волыни
Концями коней ораль
И, превращая все въ пустыни,
Ихъ польской кровью поливалъ... .

Что не могла свершить судьбина,
То сдѣлала Екатерина...

Но гдѣ-же онъ? Давно пора
Ему здѣсь быть изъ-за Днѣпра...
Такъ говорили межъ собою
Два удалые казака....

Какъ плотоядные шакалы
По степи рыщутъ казаки....

Съ копьемъ и съ длиннымъ самопаломъ,
Въ травѣ высокой и густой
Онъ стережетъ врага порой
Иль рыщетъ по степи шакаломъ.....

Палѣи съ ватагой гайдамаковъ
 Упалъ внезапно на Очаковъ,
 Какъ гнѣвъ небесный — саранча,
 Пылая местию кровожадной, —
 И все погибло безпощадно
 Иль отъ огня, иль отъ меча.

ПАЛѢИ.

(второй отрывокъ изъ поэмы).

На однихъ и тѣхъ-же листахъ, нерѣдко въ перемежку съ стихами „Гайдамака“, набросаны стихи другого отрывка, который въ печати явился въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1825 г. (№ 2, послѣдняя стр.), подъ заглавiемъ „Палѣи. Отрывокъ изъ новой поэмы“. Мы приводимъ его по болѣе связной наброскѣ, относя къ примѣчанiямъ менѣе значительныя поправки.

Не тучи солнце обступали, ¹⁾
 Не вѣтры въ полѣ бушевали,
 Палѣи съ горстью удалцовъ
 Толпы несметныя враговъ
 Въ степи пустынной окружали ²⁾.

Куда укрыться молодцу?
 Какъ избѣжать неравной драки?
 И тамъ и здѣсь вездѣ поляки...
 По смуглому его лицу
 Давно ужъ градомъ потъ катится;
 Отъ мѣткого ³⁾ свинца валится
 Съ коня ⁴⁾ казакъ за казакомъ...
 Уже обхваченъ онъ кругомъ...
 Ужъ плѣнь ему грозитъ позорной,
 Но вдругъ одинъ, съ копьемъ въ рукѣ,
 Сквозь густоту толпы упорной
 Понесся ⁵⁾ онъ, какъ вѣтръ нагорной.
 Вотъ вправо, влѣво — и къ рѣкѣ...
 Коню проворною рукою
 Набросилъ на глаза башлыкъ,
 Самъ головой къ луцѣ привикъ,
 Ударилъ плетью и стрѣлою
 Слетѣлъ съ береговъ отваги полнъ;
 И вотъ средь брызговъ и средь волнъ
 Исчезъ въ клубящейся пучинѣ...

¹⁾ Было: «затмѣвали».

²⁾ Напеч. «Въ пустынномъ полѣ окружали».

³⁾ Было: «Отъ вѣрнаго».

⁴⁾ «Кругомъ».

⁵⁾ Напеч.: «несется».

Бушуетъ вѣтръ, рѣва реветъ!
 Ужъ онъ спокойно на срединѣ
 Двѣира шумящаго плыветъ.
 Враги напрасно мечуть стрѣлы,
 Свинецъ напрасно тратятъ свой —
 Разить лишь воздухъ онъ пустой,
 И невредимо витязъ смѣлый
 Выходитъ на берегъ крутой ¹⁾.
 Ковъ опѣненный вострепенулся,
 Прочхнулся, радостно заржалъ;
 Казака ²⁾ съ насмѣшкой оглянулся,
 Врагамъ проклятіе послалъ
 И въ степь глухую усакавалъ ³⁾...

Начало этого отрывка было переправлено три раза; одну редакцію мы привели въ отрывкѣ „Гайдамака“ (выше стр. 107), другую вначалѣ этого стихотворенія, а третья читалась такъ:

Не тучи солнце обступали,
 Не вѣтры въ погѣ бушевали,
 Горсть запорожскихъ казаковъ
 Толпы несметныя враговъ
 Съ ихъ атаманомъ окружали.

ИСПОВѢДЬ НАЛИВАЙКО.

«Не говори, отецъ святой,
 Что это грѣхъ! Слова напрасны:
 Пусть грѣхъ жестокий, грѣхъ ужасный...

«Чтобъ Малороссіи родной,
 Чтобъ только русскому народу
 Вновь возвратить его свободу —
 Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
 Отступничество униатовъ,
 Всѣ преступленія сарматовъ
 Я на душу принять готовъ.

«Итакъ, ужъ не старайся богъ
 Меня страшить. Не убѣждай!
 Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ невогѣ,
 Ее свободной видѣть — рай!...

«Еще отъ самой колыбели
 Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;

¹⁾ Было: «другой»; а прежде написано: «прыгнулъ изъ воли на берегъ крутой».

²⁾ Напечатано: «Палъи».

³⁾ Было: «И въ Запорожье поскакалъ».

Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
 О незабвенной старинѣ.
 Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
 Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
 Никто дней жалкихъ не влачилъ
 Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
 Казаки въ союзѣ съ ляхомъ были,
 Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
 Но все исчезло, какъ призракъ.
 Уже давно узналъ казаки
 Въ своихъ союзникахъ тирановъ.
 Жидъ, унiate, литвинъ, полякъ —
 Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
 Терзаютъ беспощадно насъ.
 Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
 Вотще народный слышенъ гласъ:
 Ему никто, никто не внемлетъ.
 Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
 Во мнѣ кипитъ и кровь бушуетъ.
 Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
 Душа безъ вольности тоскуетъ.
 Одна мечта и ночь и день
 Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
 Она мнѣ не даетъ покоя
 Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
 Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
 Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
 «Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
 «Пора губить враговъ Украйны!»

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
 Того, кто первый возстаетъ
 На угнетителей народа;
 Судьба меня ужъ обрекла.
 Но гдѣ, скажи, когда была
 Безъ жертвъ искуплена свобода?
 Погибну я за край родной, —
 Я это чувствую, я знаю,
 И радостно, отецъ святой,
 Свой жребій я благословляю!»

Отрывокъ этотъ имѣетъ только одинъ вариантъ въ рукописи именно, начиная съ 4-го стиха:

Ахъ, еслибъ возвратить я могъ •
 Порабощенному народу
 Блаженства общаго залогъ —
 Былую праотцевъ свободу!

„Исповѣдь“ была напечатана въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., вмѣстѣ съ двумя отрывками изъ той же поэмы: Кіевъ и Смерть

Чигиринскаго Старосты. Вотъ что писалъ по этому случаю Рыльцевъ къ А. С. Пушкину:

«Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣнiемъ. Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайко, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго Старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди — мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описанiи удалства Наливайко, хотя, на оборотъ, въ удалствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что Звѣздочка отниметь у меня много времени¹⁾. Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновенiе: душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что либо, достойное вѣка нашего; но, какъ бы на зло, желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты общаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обозрѣнiе, общаешь прислать свое опроверженiе на Байрона и Бовля — и вѣрно все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ Онѣгина, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкинъ! ты приобрѣлъ уже въ Россiи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилiй и ты опередилъ его. Тебя ждетъ зазидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованiе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Если бъ ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованiе! Прощай чудотворецъ. Рыльцевъ.»

«Мая 12 дня 1825 г.

«Бестужевъ еще въ Москвѣ».

¹⁾ Рѣчь объ альманахѣ на 1826 г. Наша статья объ этомъ сборникѣ, не вышедшемъ въ свѣтъ, но на одну треть уже отпечатаннаго, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г., стр. 053.